

Ольга Новикова

Маленький БОГАТЫРЬ

Маленький БОГАТЫРЬ

6+

Ольга Новикова

Маленький богатырь

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Новикова О. В.

Маленький богатырь / О. В. Новикова — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

ISBN 978-5-5321-0348-1

Однажды мальчик по имени Ромка попадает в волшебный мир, населённый странными существами и богами-великанами. И теперь Ромке предстоит пройти испытания в двух царствах - Яви и Нави. Приключенческая сказка.

ISBN 978-5-5321-0348-1

© Новикова О. В., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Когда-то один очень умный человек, с которым у меня была однажды короткая встреча (кстати, умный он не потому, что у него была какая-то учёная степень, нет, он таким был, возможно, даже таким родился) сказал о сказках так: «Считаю ли я, нет, я просто уверен, что сказки помогают нам понимать мир лучше, чем разные научные книги, написанные когда-то великими умами. Конечно, нельзя говорить о том, что эти умы впустую трудились над изучением тайного, непонятного и неизвестного, а также забытого и непознанного. Вот только самое необыкновенное, чудесное и странное и взрослые, и дети находят в обычных сказках. Поэтому можно сказать, что и Льюис Кэрролл и Клайв Льюис, Джон Толкин и даже Ханс Кристиан Андерсен кое-что понимали в этой жизни. Те, кому однажды посчастливилось понять суть сказки, даже если им в свое время не пришлось прочесть глубокомысленный научный труд о том, как сказки, мифы, легенды похожи друг на друга, а также указывают на всевозможные психофизические расстройства (пусть эти слова прозвучат здесь только один раз), открыли тайну этого волшебства, где, возможно, не только зашифрованы, но и показаны на практике почти все философии мира. Я говорю так, поскольку абсолютно уверен в том, что великие философы – от древнегреческих и древневосточных до современных – тоже, как ни странно, когда-то были детьми. И первое их знакомство с миром (возможно, за редким исключением) случилось посредством сказки, где все необъяснимое – понятно, а удивительное – обычно. Уверен, что маленькие и немного подросшие гении, собравшись вместе, не стали бы спорить с тем, где скрывается истина: в курице или яйце, если бы эти искомые объекты находились в волшебном коробе или сундуке».

Все мало-мальски важные приключения, как правило, начинаются утром

Будильник сработал в 7.30. Вставать Ромке жутко не хотелось, промозглое октябрьское утро не обещало ничего хорошего. Но надо было собираться в школу, хотя до каникул оставалось всего два дня, а потом его ждало невероятное путешествие на поиски Русской Атлантиды. Ромке уже давно до жути хотелось совершить открытие, а потом когда-нибудь, когда он станет совсем взрослым, конечно же, написать роман, ведь слово «роман» так красиво перекликалось с его именем – Рома. Все, разумеется, его называли по-разному: для мамы и папы он был просто Ромашка, ну, для папы частенько еще Роман Евгеньевич, для друзей Ромка или Ромыч... а сам он считал, что в его имени нет ничего выдающегося. Возможно, этот момент он и старался исправить, влипая в разные нелепицы и несурезицы, которые сам называл приключениями. Слава, почёт, уважение – о чем еще мечтает мальчишка девяти пусть и с половиной лет, начитавшийся писателей-фантастов (мальчишки не очень любят читать сказки, считают это девчачьим занятием), которых потихоньку и, разумеется, тайно выуживал из большой отцовской библиотеки? Возможно, из-за этого фантазии ему было не занимать. Например, как-то летом он нашёл старую ржавую ракету, которая несколько лет простояла на детской площадке, а потом оказалась не нужна и её выбросили за ворота. Ромка подобрал ракету, оборудовал её подходящим пультом управления из перегоревших и покрашенных гуашевой краской лампочек от ёлочной гирлянды, приделал сиденье из старого кресла, найденного на свалке, и целыми днями пропадал в ней, представляя себя бороздящим космическое пространство. Но однажды в его фантазийный мир проник невежественный лазутчик и безжалостно всё разрушил. Это был соседский мальчишка, который просто высмеял Ромку перед его одноклассниками. Однако космос в Ромкиных мечтах все же тогда был хоть чуточку, но покорён. В следующий раз, начитавшись «Алисы в Стране чудес» Льюиса Кэрролла, Ромка устроил у себя на даче площадку для игры в крокет и карусели из старых колес от трейлера. А сколько раз ему доводилось искать сокровища – невозможно и сосчитать. Все, абсолютно все его походы заканчивались тем, что Ромка приносил домой удивительные находки. Фантазии только разжигали жажду приключений в романтической мальчишеской душе.



«Экспедиция в затерянный Китеж-град.

Студентов второго и третьего курса исторического факультета, желающих принять участие в поисках затерянных следов Русской Атлантиды, просим записаться в экспедици-

онную группу. Форма одежды – походная. Руководитель экспедиционной группы – профессор кафедры археологии, историко-археологического факультета, кандидат исторических наук – Евгений Борисович Святозаров».

Это объявление Ромка сам прикрепил на доску объявлений первого этажа в гуманитарном институте по просьбе своего отца – того самого профессора Евгения Святозарова несколько недель назад. А до этого всю неделю уговаривал отца взять его с собой в далекую, но наверняка безумно интересную экспедицию. И наконец-то уговорил.

– Ну пойми, я не могу тебя взять. – Усмехнулся своей милой улыбкой Евгений Борисович, раскладывая дома в большой комнате на серо-зелёном ворсистом ковре экспедиционную карту, вероятно для того, чтобы проложить на ней маршрут. – Ты же ещё ребёнок, а я еду со студентами, им всем по двадцать лет. – Вон, подай ту коробочку, пожалуйста, – сказал он.

Ромка вздохнул, дотянулся до прозрачной коробочки с разноцветными флажками. Евгений Борисович посмотрел на своего подросткового сына, очень напоминавшего ему его самого в детстве – такого же худого и высокого для своих девяти лет мальчишки, с бледной матовой кожей, темно-каштановыми непослушными, волнистыми вихрами, широкими длинными и густыми бровями, серо-голубыми почти синими глазами и яркими алыми губами, будто обмазанными любимым Ромкиным малиновым вареньем, которые он постоянно облизывал, когда волновался. Взяв из рук сына коробку, Евгений Борисович открыл ее и стал скотчем старательно прикреплять флажки к карте.

– Пап, ну я же самостоятельный, – уговаривал отца Ромка, помогая ему прикреплять флажки. – Помнишь, в прошлом году вы улетели с мамой в Сочи, а я здесь один целую неделю жил, и ничего. Сам готовил себе, сам стирал, даже полы мыл, со мной не надо нянчиться.

– За тобой тогда соседка тетя Валя приглядывала, и твой Антошка все время у нас ночевал, – мычал историк, задумчиво почёсывая тёмный вихрастый затылок. – И кто тебе готовил? Ты сам? – разбил всю тактику сына Евгений Борисович. – Тебя же кормили постоянно домашним, тетя Валя старалась. Не приставай, Ромашка, поедешь к бабушке – мы так решили с мамой. Лучше иди доделай уроки.

– Ну па-а-апа, – не отставал Ромка. – Как же я стану самостоятельным, если я буду всё время с бабушкой сидеть. Я хочу как ты – ездить в экспедиции, бывать в разных местах, узнавать что-то новое...

– Мал ещё. Твой дед взял первый раз меня в море, только когда мне шестнадцать исполнилось, – ответил профессор, прикрепив к нарисованному на карте холму синий флажок, – а тебе только девять, и мама не разрешит.

– Разрешит, разрешит, – не унимался Ромка, – я уже с ней говорил, я ещё поговорю.

– Вот вернётся завтра мама из рейса, тогда и поговорим, а пока доделай уроки и иди гулять. Антон уже звонил, спрашивал, – Евгений Борисович закончил разговор с сыном и, прикрепив последний зелёный флажок к нарисованному домику с башенками, сфотографировал полученный результат, видимо для того, чтобы показать его кому-то очень важному.

Вечером следующего дня мама вернулась из международного рейса (она работала стюардессой). Ромка тут же напал на неё с расспросами прямо в коридоре, выхватил сумки, попытался окружить ее заботой. Отец в это время был на открытии выставки в городском историческом музее, куда его пригласили в качестве главного куратора.

– Мамуль, а ты видела Рим?

– Нет, Ромашка, в этот раз мы летали в Милан – прямой рейс из Москвы без пересадок. Представляешь, у нас там закончились бутерброды, остались только для пассажиров, а кафе в аэропорту было закрыто по техническим причинам, поэтому я ужасно голодная... – сказала мама, пытаясь освободиться от объятий сына, чтобы развязать оранжевый шейный платок.

Встряхнув соломенными кудрявыми волосами до плеч, стройная и высокая молодая женщина подмигнула зеркалу, сняла теплое пальто, поскольку на улице уже давно стоял октябрь,

напоминая о себе промозглыми дождями и мокрым листопадом, поправила шелковую голубую блузку, переобулась в мягкие тапочки, которые Ромка предусмотрительно достал с нижней полки шкафа и, пригладив непослушные вихры сына, спокойно прошла на кухню.

Конечно, у неё было имя. Её звали Рита, а полностью – Маргарита Сергеевна, но здесь мы будем называть ее – мама Рита.

– Мам, а папа летит в Нижний Новгород искать Китеж-град, – начал Ромка, наблюдая, как мама, уже помешивает ложечкой чай и отламывает кусок от мягкой булки. Ее ярко-зелёные, почти изумрудные глаза, в которых, как говорил папа, жило вечное лето, как всегда светились добротой и спокойствием. Ромка решил, что не будет капризничать, а расскажет все и сразу – и будь что будет.

– Я знаю, Ромашка. Твой папа мне все уши об этом прожужжал. Ох, бедные его студенты, они же не такие энтузиасты, как наш Евгений Борисович, – сказала мама Рита, допивая чай и нежно глядя на сына.

– Мам, а можно... ну, может быть, можно мне?..

– Ну что, Ромашка? Что случилось?

– Мам, можно мне?

– Так, Ромик, – с напускной строгостью сказала мама, поставив чашку на стол и подперев руками подбородок. – Во-первых, вынь руки из карманов, во-вторых, соберись и решишь прямо мне сказать, что тебе можно.

Ромка послушно вынул руки из карманов, выдохнул и выпалил.

– Мама, я хочу поехать с папой. Мне уже почти десять лет, я самостоятельный человек и такой же эн-ту-зи-аст, как и он, – Ромка старательно выговорил знакомое, но сложное слово по слогам, – я люблю приключения и хочу выбрать свою дорогу в жизни, стать мужчиной, наконец.

Ромкины глаза горели, и он весь дрожал от непонятного чувства, почему-то заставлявшего его бороться до конца за свою мечту даже с собственными родителями. Мама Рита приснула, уронив голову вниз так, что соломенные кудри разлетелись в стороны. В этот момент мама Рита очень старалась не рассмеяться во весь голос.

– Что ж, хорошо, – сказала, она, вытирая салфеткой пролитый на стол чай. – Раз уж ты у меня такой взрослый, я... разрешаю тебе, так и быть. Но есть одно условие. – Ромка чуть не закричал от радости, но потом решил сдержаться, чтобы не спугнуть удачу (мало ли что), и даже округлил от старания глаза, готовый выслушать мамины условия. Мама же изо всех сил старалась не расплыться в улыбке (воспитательный процесс как-никак).

– Итак, – проговорила мама Рита, с трудом сдерживая себя от того, чтобы не затискать своего самостоятельного сына в объятиях и не начать с ним сюсюкать как раньше. – Итак, условие первое и непреложное. Знаешь, что такое непреложное? – Ромка задумчиво и отрицательно покачал головой. – Это значит, Роман Евгеньевич, что такое условие ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах нарушать нельзя. Ясно? – Ромка радостно закивал, а к горлу вдруг подступил комок от ощущения чего-то интересного и загадочного.

– Какое, какое условие, мам? – порывисто спросил он.

– Слушаться папу, – строго ответила мама Рита, – папе же будут даны отдельные инструкции. Ясно?

Ромка кивнул, комок тут же отступил, потому что Ромка вдруг ощутил разочарование: он-то надеялся, что это будет какое-нибудь необычное условие, что-то вроде – не попадаться в плен к врагам или не угонять чужой корабль. Мальчишка никак не ожидал, что непреложным маминым условием будет просто «слушаться папу». Но мама будто прочитала его мысли.

– Что, разочарован, Ромашка? – спросила мама. – Знаешь, сразиться с пиратами и найти сокровища – это ерунда, это могут все. Ты попробуй слушаться папу, не нарушать правил, выполнять обещания и отвечать за свои поступки, тогда ты будешь героем, нет, не героем, – поправила мама, – ты будешь богатырём.

Ромка знал, мама так всегда его называла, когда чувствовала за него гордость, значит, сейчас, он сделал всё правильно.

– Мамочка, – выкрикнул Ромка и бросился на шею к молодой красивой женщине, – я буду героем, я обещаю.

– Тогда я за тебя совершенно спокойна, – сказала мама Рита, вглядываясь в серо-голубые глаза сына, – а теперь давай-ка приготовим ужин и дождемся папу, мой маленький богатырь.

На семейном совете, за ужином было решено, что Ромка едет в экспедицию.

С того дня Ромка начал собираться в свою первую приключенческую поездку. Он тщательно продумывал всё, что хотел бы взять с собой, представлял себя в мечтах в роли своего любимого героя Индианы Джонса, фильмы о котором мог пересматривать до бесконечности. В пятницу Ромка в очередной раз проявил самостоятельность и выпросил у соседей старый походный рюкзак, оставшийся у них от старшего сына. Теперь он был доверху набит самыми нужными для приключения вещами, для этого Ромке пришлось перевернуть вверх дном свою комнату и достать старый, заржавевший перочинный нож – подарок деда-капитана, который напоминал Ромке о далеких странствиях, и термос, купленный специально для такого вот подходящего случая, облюбованный и надежно припрятанный самим Ромкой.

И вот рюкзак уже доверху полон самыми нужными вещами, гордо и пузато красуется возле добротного деревянного письменного стола, заставленного самодельными корабликами. Они же занимали все книжные полки, самые маленькие ютились прямо между книгами, а самые большие корабли вместе с раскрашенными вручную бумажными дельтапланами свисали с потолка. С чувством удовлетворения Ромка лег в кровать, мечтая о завтрашнем дне, когда они с папой отправятся в увлекательное путешествие.

Надо сказать, что мальчишка был настолько одержим приключениями, что вся его комната не просто напоминала, а гордо говорила об этом. Чего только стоили его кровать, сделанная из старой лодки, подвешенной под потолком на настоящих реях, и комнатная люстра из настоящего штурвала – все это смастерил для внука тот самый дед-капитан, который прослужил в морском флоте всю свою жизнь. Именно от него Ромка узнал о далёких странах и материках, об океанах и морях, где деду пришлось побывать. Рассказывая внуку перед сном морские истории о штормах, островах, туземцах, дед порой так увлекался, что совершенно забывал о времени. Маме то и дело приходилось входить в комнату и напоминать морскому волку, что уже поздно и Ромке пора спать.

Не вписывались в морской стиль только баскетбольная стойка и два новеньких баскетбольных мяча – ещё одна Ромкина страсть (по воскресеньям Ромка играл в уличный баскетбол на стадионе – в позиции защитника). Но Ромку это не беспокоило, а даже нравилось, чтобы все, что он любил, находилось рядом.

И вот настала долгожданная суббота, когда они с папой должны были отправиться на поиски затерянного Китеж-града. Папа почему-то называл его Русской Атлантидой. Ромка проснулся раньше всех, умылся, сам приготовил бутерброды и разбудил отца. Мама Рита была в очередном рейсе, но оставила им записку.

«Милый, надеюсь, ты запомнил все, что нужно, чтобы я была спокойна – не подведи меня. На всякий случай ещё раз напоминаю тебе: не выпускай сына из поля зрения, не давай Ромке сильно шалить и не забывайте мыть руки, фрукты, ягоды и овощи. Я в рейсе до следующего вторника, надеюсь, к этому времени вы вернетесь счастливыми и, главное, – здоровыми. Сын, помни про свои обещания. Ну все, целую, Рита».

Тут в дверь позвонили, и Ромка побежал открывать.

– Фух, тяжелый он, – сказал блондинистый полноватый и курносый мальчишка, с пыхтением сбрасывая на порог Ромкиной квартиры свой рюкзак.

– Это ты что? – ревниво спросил Ромка.

– Что, что... Еду с вами, тебя что не предупредили?

Ромка нахмурился.

– Па-ап? – крикнул он в комнату немного раздраженно.

Евгений Борисович вышел в коридор, бережно пряча записку жены в карман.

– А, Тошка, – расплылся историк в радостной улыбке, – уже собрался. Умница!

– Я что-то не понял, пап, – недовольно сказал Ромка и, нервно взглянув на тугой (почти такой же, как у него самого) рюкзак белобрысого мальчишки, того самого Антона или просто Тошки, лучшего друга Ромки. Но сегодня Ромке ни с кем не хотелось делить свои приключения, даже с лучшим другом.

– Что ты не понял? – спросил Евгений Борисович, надевая на сына куртку и приглаживая его темно-каштановые вихры, чтобы надеть на него шапку, ведь на улице с утра было ветрено. – Тошка с нами едет.

– Где папа, Тош? – спросил он, весело подмигнув блондинистому курносому мальчишке, с россыпью веснушек по всему лицу.

Тошка округлил ореховые глаза.

– Он в машине, дядя Жень.

– Как? – чуть не вскрикнул Ромка. – Дядя Саша с нами едет?! Пап, ну он же филолог, что он понимает в истории?

– Так, давай не умничай, а собирайся и пошли в машину. Пара мудрых и опытных взрослых не помешает юным любителям приключений, – улыбнулся историк, прищурился серо-голубые глаза (почти такие же, как у Ромки).

Ромке ничего не оставалось, как только кивнуть, покорно застегнуть куртку и нацепить на плечи рюкзак, который уже не так радовал его, как раньше. Когда сборы были закончены, они все вместе спустились вниз. В лифте Тошка толкнул непонятно на что обиженного Ромку в бок.

– Ты чего? – спросил он с недоумением, вглядываясь в напряжённое лицо друга.

– Ничего, – буркнул Ромка. – Тебя там только не хватает, – ворчал он, отвернувшись от Тошки, – это вообще не для маленьких.

– Ты чего? – защищался Тошка, – я только на месяц младше, а ты меня малышом обзываешь?!

Ромка промолчал и, уткнувшись носом в угол лифта, стал отковыривать от стены прилипшую жвачку. Тошка тоже обиделся и отвернулся от Ромки. Тошка был абсолютной Ромкиной противоположностью: ниже ростом, несколько полноват, но добрее и преданнее для Ромки не было друга на всем свете. Они познакомились ещё раньше, когда семилетний первоклашка Ромка без дела шатался по двору, как всегда в поисках новых приключений. Его ровесник Тошка в это время пытался освоить новую технику – велосипед, который тайно позаимствовал у отца. Велосипед был намного больше Тошки и маленький водитель даже не доставал до педалей, но был чрезвычайно горд, что почти освоил эту сложную машину. Катаясь во дворе (если это можно было так назвать), Тошка неосторожно вывернул руль и влетел в кусты, где Ромка как раз в это время проводил свои первые исследования. Тошка и велосипед, сбив Ромку с ног, упали прямо на него.

– Ты долго собираешься на мне валяться? – обратился Ромка к паре выпученных от страха ореховых глаз, над которыми топорщилась чёлка светло-русых волос. Ромка вдруг услышал густой частый стук и понял, что это Тошкино сердце стучало от страха.

Тошка пробурчал что-то вроде извинений, перебрался с Ромки на землю и, зашмыгав курносый нос с мелкими веснушками, стал тереть ушибленное колено, раздумывая, заплакать ему или нет. Выбравшись из-под тяжелого велосипеда и вытянув порванный шнурок ботика из масляной механической цепи, Ромка придвинулся к виновнику аварии, намереваясь предложить свою помощь – с тех пор мальчишки стали не разлей вода.

– Ну что, успеем? – спросил Евгений Борисович высокого молодого, по-европейски одетого мужчину в черной стёганой куртке с воротником-стойкой и в элегантных очках. Тот открывал багажник серебристого минивэна. Дядя Саша был лучшим другом отца Ромки, они дружили с детства, вместе учились в одном университете, только на разных факультетах, а теперь преподавали. Дядя Саша, он же Александр Сергеевич, был лингвистом и десять лет назад вернулся в Россию из Бельгии с женой француженкой, мамой Тошки, у которой были русские корни (так что, Тошка был наполовину французом, над чем Ромка часто потешался, называя друга «французиком», а прочитав биографию А. С. Пушкина, стал дразнить еще и Дантесом), и сразу стал преподавать в родном университете.

– По пробкам ехать полтора часа, я посмотрел, – ответил, довольно улыбаясь, дядя Саша. Он тоже, как и Ромкин отец, обожал путешествовать. В детстве они с другом Женькой обошли все лесополосы и парки в городе, объездили на велосипеде всё, что можно объездить, и даже сбегали с уроков, чтобы впрыгнуть в подмосковную электричку, доехать до конца, сойти на самой дальней станции и побродить в поле. Настоящим удовольствием тогда для маленьких Женьки и Сашки было лазить по развалинам забытых и заброшенных церквушек или особняков.

– Садитесь в машину, парни. Кстати, мальчиши (дядя Саша их с Тошкой часто так называл), там для вас сюрприз.

Ромка и Тошка, побросав рюкзаки в багажник, забрались на заднее сиденье. Сюрпризом оказались стаканчик с холодным фруктовым мороженым – для Тошки, и любимым эскимо Ромки. Ромка тут же забыл свою нелепую обиду и разочарование, и вот они уже ехали в машине с лучшим другом, замечательным дядей Сашей, который умел рассказывать истории и анекдоты как никто другой, и папой навстречу приключениям. Что может быть лучше для мальчишки в его девять лет?!

Подъехав к аэропорту, дядя Саша припарковал минивэн, и путешественники, взяв свои вещи, пошли искать свою стойку регистрации.

– Пристегните ремни и выключите сотовые телефоны, планшеты и плееры, – вежливо попросила стюардесса. Когда она стала рассказывать о технике безопасности в полете, Ромка вспомнил о маме и повернулся к Тошке, чтобы рассказать об этом другу, о том, что мама недавно вернулась из Милана, а там было закрыто кафе... но, к Ромкиному разочарованию, Антон уже давно сопел – его как всегда укачало в машине, а теперь ещё и в самолете. Ромка вздохнул, грустно взглянул в окно иллюминатора, там, под крылом самолета, медленно проплывали облака.

– Опять спит? – тихо спросил дядя Саша, нависнув над Ромкой. – Укачало, наверное. Ну пусть спит, иди к нам, и Ромка перебрался на передний ряд, где устроились папа и дядя Саша. Ученые, достав маленькую коробочку с походными магнитными шахматами, разыгрывали партию.

– Пап, а где твои студенты? – спросил Ромка.

– Они уже на месте, лагерь разбивают, улетели днём раньше с кураторами. Так было решено заранее, – ответил отец, передвинув пешку на две клетки, и с довольным видом погладил сына по голове. – Как ты себя чувствуешь, все-таки первый твой полёт? – спросил он, глядя на сына.

– Серьёзно? – удивился дядя Саша, – первый полет? Я помню, первый раз полетел в восемнадцать лет. Ох и уши закладывало. Тебе шах, историк, – усмехнулся он.

– Ну, знаешь, лингвист, дорогой, – ответил отец, – шах – это еще не мат. А вот это уже мат, – удовлетворенно потер ладони историк.

– Ну я бы не сказал, дорогой коллега, – парировал дядя Саша и сделал рокировку. Евгений Борисович задумался.

– Что? Напряженный момент? – спросил его дядя Саша и подмигнул Ромке.

– Ну не знаю... может, ничья?.. Саш, скоро приземлимся. – сдался Ромкин отец.
– Вот все вы историки такие, чуть что, так ничья. Ладно, – согласился дядя Саша и пожал руку Евгению Борисовичу.

Когда они приземлились в Нижнем Новгороде, Ромка растолкал друга.

– Хватит дрыхнуть.

Антон зевнул и протер глаза.

– Мы уже приземлились?

– Ага, малыш, – ответил Ромка, – давай вставай, соня.

– Ну меня же укачало, – пытался оправдаться Тошка, – тебя что, не укачивает?

– Никогда! – гордо заявил Ромка.

Дядя Саша и Евгений Борисович уже выбирались к трапу.

– Кстати, как твоя диссертация? – спросил дядя Саша.

– Потихоньку продвигается, – ответил Евгений Борисович, оглядываясь на копошившихся детей.

– А я хочу съездить к профессору Александрову, по поводу своей.

– По славянским богам?

– Да – тема Макошь не раскрыта, надо бы побольше информации...

– Кто такой Макошь? – протиснувшись к взрослым, спросил Ромка, который услышал только обрывок разговора. Антон плёлся позади всей очереди, зевая и покачиваясь.

– Не такой, а такая, юноша, – остановил Ромку дядя Женя, чтобы пропустить всех и дожидаться Антона. – Макошь в древнеславянской культуре – богиня судьбы. По ведическим преданиям, она плетёт нити судьбы, из которых рождается человеческая жизнь, – объяснил филолог, придерживая за локоть папу Ромки у трапа.

– Пап, когда мы уже приедем, – заныл Тошка протяжно и противно, утыкаясь в спину отца, – я ку-у-ушать хочу!

– Вот, – ласково сказал дядя Саша, – вот из кого вряд ли получится маленький капитан или Никита Кожемяка.

– А это кто еще? Что за Кожемяка? – бурчал Тошка и теперь кряхтя пытался завязать болтавшийся шнурок.

– Никита Кожемяка, – сказал дядя Саша, присев на корточки, чтобы помочь сыну, придвинулся к стене, чтобы дать проход остальным пассажирам, – был русским богатырём и совершил немало подвигов, как пишут о нем в русских былинах.

Наконец, шнурок был побеждён и хорошо завязан, Тошка как мог бегом спустился с трапа и оказался рядом со Святозаровыми. Они тщетно пытались вызвать такси, чтобы добраться до гостиницы, располагавшейся в селе Владимирское – неподалёку от озера Светлояр, где уже почти сутки жила экспедиционная группа вместе со студентами Евгения Борисовича. Такси приехало только через полчаса. Путешественники погрузили свой скарб в багажник и молча ехали всю дорогу, только изредка дядя Саша с заднего сиденья переговаривался о чем-то очень серьёзном с Ромкиным папой, о чём-то таком, что Ромка пока не понимал.

Тошка снова заснул, положив голову на колени дяде Саши. Ромка хотел было растолкать его, но передумал и, прижавшись лбом к стеклу, стал смотреть в окно. Через несколько минут Ромку тоже сморило. Сон, который приснился Ромке в машине, был весьма странным: он увидел огромный дуб, который Ромке показался не совсем деревом, а будто стеной или дверью, потому что когда он прислонил к коре ухо, то услышал чьи-то голоса и пение.

– Приехали! – сказал водитель.

Вздвигнув, Ромка проснулся, открыл глаза и увидел из окна такси большой деревянный дом – местную гостиницу, которую окружал ухоженный фруктовый сад. В саду росли яблони и сливы, с которых уже давно облетели все листья. Под деревьями стояли корзины, доверху наполненные осенними яблоками, которые собирали две взрослые женщины и мальчишка лет

четырнадцати. Рядом с ними, то ли помогая, то ли мешая, прыгал, заливаясь своим звонким лаем, рыжий щенок.

Гостиница, где поселилась экспедиционная группа, оказалась добротным тесовым двух-этажным срубом, с большими светлыми окнами и красивыми наличниками, какие раньше строили в больших деревнях и отдавали под клубы. Когда-то там по вечерам, после изнурительной работы, собирались девушки и парни, танцевали, знакомились, общались. Маленькие и взрослые путешественники, вырвавшись из столицы, будто оказались в другом мире и перенеслись на несколько лет назад. Здесь все было необычно, но при этом хорошо знакомо. Внутри оказалось все довольно просторно и, что особенно порадовало московских жителей, уютно. На первом этаже располагались комнаты хозяев, регистрационная стойка, где записывали всех постояльцев, на втором этаже – номера постояльцев с окнами, выходившими на реку. Гостеприимные хозяева – милая пожилая пара, похожие друг на друга как родственники или неразлучные попугайчики (так их прозвал папа Тошки) оба низенькие, добродушные и не по возрасту румяные и жизнерадостные, были искренне рады столичным гостям и хлопотали для них до самой ночи.

– Правда – чем-то похожи на старосветских помещиков? – легонько толкнув в бок Евгения Борисовича, сказал дядя Саша.

Ромкин папа улыбнулся и, взглянув на суетливую хозяйку, отвел глаза и кивнул дяде Саше.

– Кто такие эти помещики? – снова любопытничал Ромка.

– На литературе узнаешь, – сказал Евгений Борисович. – Мы Гоголя в каком классе проходили? – спросил он дядю Сашу.

– Слушай, даже не припомню, но, думаю, в седьмом, – ответил тот, задумчиво поправив очки.

Мальчишка, тот самый, собиравший яблоки в саду, уже вернулся в дом и помог путешественникам отнести вещи в номер, где уже находилась одна из женщин, работавших в саду, и развешивала в ванной новые полотенца.

– Наверное, дочь хозяев, – предположил Евгений Борисович.

– А паренек – их сын и внук наших помещиков, – подхватил дядя Саша.

Они уже устраивались в номере.

– Давайте-ка, парни, – обратился он к мальчишкам, – разбирайте вещи, мойте руки и пойдем на ужин.

Ромка с Тошкой наперегонки побежали в свою комнату, побросали рюкзаки на кровати и занялись первыми раскопками – выкапывали из толстых рюкзаков сменную одежду, чтобы переодеться к ужину. Вскоре они уже стояли в новых майках и своих любимых джинсах, ожидая отцов, которые не очень спешили приводить себя в порядок, решив, что у них есть время разыграть ещё одну партию в шахматы.

– Ну па-а-ап, – канючил Тошка, он всегда канючил, когда был голодный или когда ему было холодно и неудобно. – Па-ап, когда мы уже пойдем? Вы же сами просили, чтобы мы быстро переоделись.

– Сейчас, сейчас, Антон... Я выиграю и пойдем, – сказал дядя Саша.

– Ещё неизвестно, кто выиграет, – ответил Евгений Борисович.

Ромка и Тошка переглянулись и вздохнули. Как они и ожидали, партия их отцов опять закончилась вничью.

Ужин, на который наши путешественники всё-таки успели, состоял сплошь из чисто русских блюд: каша с мясом, наваристые щи, вкуснейший рыбный студень, крохотные пирожки – бульки, самолично придуманные добродушной хозяйкой, и изумительный творожный пирог. Увидев такое изобилие, даже капризный и разборчивый в еде Тошка, любитель гамбургеров и сэндвичей, подпрыгнул от радости и принялся уплетать яства за обе щёки, а уж покушать

Тошка любил больше всего на свете. Дядя Саша тревожно наблюдал за сыном, предусмотрительно отставив пироги подальше от него.

– Парень на диете, – шепнул он Ромке и Евгению Борисовичу. – Есть можно всё, но не много. Знаете, всё-таки наша еда проще, но вкуснее, и уж точно полезнее, – вдруг ни с того ни с сего принялся рассуждать дядя Саша. Потом он сказал, что вкуснее русских щей и пирожков ничего не ел, хотя ему довелось попробовать разную еду в разных странах, в самых разных уголках планеты, где он бывал в командировках. Нет, он сказал вот так: «ничего не едал».

Дядя Саша любил говорить необычно, иногда настолько необычно, будто вовсе и не он говорил. Вот как теперь. Ромка взглянул на отца, который уже давно с аппетитом ел русские щи и как-то мало вслушивался в слова друга, и тоже принялся за еду.

– По крайней мере, – это не жирные гамбургеры и картошка, Саш. Так, ребятки, – сказал Евгений Борисович, покончив со щами и вытерев губы салфеткой, – завтра поедем на Светлояр, посмотрим, как ведутся раскопки.

Дядя Саша одобрительно кивнул и откусил бок вкусного румяного пирожка, который прятал от Тошки.

– А сейчас доедайте, – повторил Ромкин отец, – поблагодарите наших хозяев за вкусный ужин и гостеприимство, и марш к себе в комнату.

Мальчишки дожевали ужин и, взяв с собой по пирожку, принялись наперебой благодарить милых старичков. Добрая хозяйка, вытерев о фартук мягкие и полные словно тесто руки, нежно опустила их на мальчишеские головы, погладила обоих, а хозяин который до этого занимался тем, что деловито раздувал самовар, теперь поставил его стол и подмигнул светлым глазом Ромке и Тошке. Те, уплетая на ходу пирожки, побежали в свой номер.

– Смотри, Ром, – крикнул Тошка.

Ромка знал, если Тошку что-то заинтересовало, он обязательно остановится рядом с этим как вкопанный. Ромка оглянулся. Тошка стоял под лестницей, возле окна на первом этаже, которое выходило во дворик, где бродили куры, а в просторных удобных клетках копошились кролики.

– Смотри, Ром!

– Ну и что? Что ты там увидел такого? – спросил Ромка, прижавшись лбом к стеклу. – Обычный двор с курами. Вот если бы там бродили динозавры или жар-птицы из сказки, то я понимаю.

– Вечно ты выдумываешь, – сказал Тошка и отошел от окна.

Ромка считал, что у Тошки совершенно нет фантазии, он много раз пытался заставить друга посмотреть на мир своими глазами, но Тошку это только раздражало. Ромка вздохнул и поднялся по лестнице.

– Ро-ом, подожди, – крикнул Тошка. – Если бы там были динозавры, между прочим, гостиницы не было бы или хозяева гостиницы были бы такими огромными, что не поместились бы здесь...

Ромка улыбнулся, рациональность Тошки была нужна ему, она помогала ему оставаться на земле, не давала улететь навсегда в космос на самодельной ракете.

– Конечно, Тош, – с улыбкой сказал Ромка, похлопав друга по плечу, – ты прав, не поместились бы.

В комнате Ромка и Тошка рухнули прямо в кровати, едва только успели раздеться.

– А здорово сегодня было, – широко зевая, сказал Антон. – Надеюсь, завтра будет еще интереснее, – добавил он, засыпая.

О том, как то, что должно быть только сном, вдруг стало явью

Как и ожидалось, утром, где-то в начале восьмого, их разбудили дядя Саша и Евгений Борисович, бросив в них полотенца и прогнав обоих в ванную. Сами же взрослые бодрым шагом прошли на кухню, откуда уже доносились заманчивые запахи домашних пирожков.

Ромка и Тошка, весело разбрызгивая воду, умывались и напевали детскую песенку, которую недавно сочинили вместе. Конечно, состояла она пока только из одного куплета. Возможно, у песенки впоследствии возникло бы продолжение, но как-то мальчишкам, даже потом, когда они немного повзрослели, не хватало на неё времени.

– Ля, ля, ля! Ромка – это я, а Тошка – это я...
И мы с тобой друзья, мы с тобой друзья.
Мы верные, не скверные, отличные друзья.
Всех на свете победим, даже льва мы укротим.
И кита переплывем – очень весело живем.
Ля, ля, ля! Потому что, потому что Ромка – это я,
Потому что, потому что Тошка – это я.

Допев куплет, мальчишки весело толкаясь стали одеваться. Вскоре они спустились в кухню, где Евгений Борисович и дядя Саша уплетали вкусные блины с малиновым, брусничным и клубничным вареньем и, конечно, сметаной. Кроме блинов стол был уставлен блюдами с пирожками с разнообразной начинкой: с капустой, мясом, картошкой, яйцами и яблоками, видимо из собственного сада. Знакомый большой пузатый самовар раздувался от важности как истинный хозяин стола и пытел, выдувая пар через крышку. Рядом с ним соседствовали два глиняных кувшина-близнеца с разрисованными под хохлому боками – в одном был квас, в другом сливовый кисель, какого никогда даже искушенный в еде знаток русской культуры дядя Саша раньше не пробовал. Для Ромки с Тошкой специально была сварена геркулесовая каша с яблочным пюре. В этот раз хозяев на кухне не было, они решили поработать в саду, и можно было наблюдать за ними из окна, сквозь которое просачивались осенние, тягучие, как медовая патока, солнечные лучи.

Справившись со своей порцией в один присест, Ромка потянулся за золотистым, поджаристым масляным блином и стал рассматривать его на просвет. Блин был таким тонким и аккуратным, а солнечные лучи, проникая сквозь него, ещё больше наполняли его янтарным цветом.

– Тош, смотри, я ем солнышко, – веселился Ромка, – хочешь такое?

Ромка поглядывал на друга, который все ещё возил ложкой по тарелке, давясь геркулесовой кашей. Ой, жирное масло капнуло на скатерть, и Ромка поспешил положить блин на тарелку, мельком взглянул на отца, но тот не заметил его шалость и с наслаждением размазывал по своему блину сметану.

– Ешь, ешь, – приговаривал дядя Саша, вытирая рот салфеткой и наблюдая за сыном. – С кашами у него всегда не лады, хотя они прописаны в его диете.

– Пап, я больше не могу, – взмолился Тошка.

– Съешь еще три полных ложки – и возьмёшь пирожок, – уговаривал сына дядя Саша.

Тошка с надеждой посмотрел на отца и принялся наполнять ложку, поглядывая на пирожки и поставив рядом со своей тарелкой сливовый кисель, который, к большому удивлению остальных, Тошке почему-то понравился.

После завтрака возле гостиницы их дожидалась машина, присланная за ними руководителем экспедиционной группы. Водитель помог уложить вещи в багажник и повез наших путешественников на озеро Светлояр на место раскопок.

– Вы тот самый Святозаров? – спросил, наконец, водитель, когда они готовились отправиться. – Я Андрей – брат Максима Павловича.

– Ах, да... Андрей Павлович Шевцов, как же, слышал о Вас, – вдруг почему-то неожиданно расплылся в улыбке Евгений Борисович. – Конечно, конечно... Саш, знакомься! Андрей Павлович, молодой ученый, нижегородец – тот, кто помог нам получить разрешение на рас-

копки и кто нашел на берегу Светлояра обломок женского головного убора, возможно, принадлежавшего жрице богини, мы еще не доказали это – я показывал тебе фотографии.

– А-а, Вы тот самый музейный хранитель, – тоже заулыбался дядя Саша. – Как же, как же, конечно, помню. Я даже хотел посвятить описанию Вашей находки целую лекцию, в доказательство того, что богиня Макошь существовала...

Дальше Ромка не слушал, он представлял себе загадочную богиню, которая плела нити судьбы и в нужный момент отрезала их, тем самым обрывая чью-то жизнь. «Интересно, а какие они, эти нити, – думал Ромка, – может, золотые или серебряные, зелёные или красные, а может... всех цветов радуги сразу! Или даже может быть такого цвета... о котором люди никогда и не знали... Малиновоградный, или свежее-розовый, или, например, змееровый». Ромка хмыкнул, ему нравились слова, которые только что ни с того ни с сего взбрели ему в голову. Малиновоградный – это какой? Он решил спросить у Тошки:

– Тош, как думаешь, малиновоградный – это какой цвет может быть, на что похож, а?..

Тошка задумался и засопел (он всегда сопел, когда задумывался, зато потом выдавал совершенно невероятные ответы или же, наоборот, абсолютно простые и неинтересные).

– Нет такого цвета, – вдруг сказал тот серьезно и, к Ромкиному разочарованию, совершенно неинтересно. – Что это тебе в голову пришло?

– Не знаю, – задумался Ромка, – но знаешь, мне кажется, что, если бы такой цвет был, он бы одновременно напоминал цвет и малины, и винограда.

– То есть красно-зелёный, что ли? – уточнил Антон.

– Возможно, – кивнул Ромка. – А вот змееровый напоминал бы чешую змеи... – продолжал он.

– Какой? Какой? – вскрикнул Тошка. – Не-е-ет, такого точно нет.

– А у Вас замечательное воображение, молодой человек, – вмешался Андрей Павлович, услышав разговор.

– Да ну, – махнул рукой Тошка, – выдумывает он все. Нет таких цветов на свете.

– Может и нет, – сказал Андрей Павлович, – а может и есть где-то.

– Где это?! – спросили хором друзья.

– Ну где-то в других мирах... – тихо сказал Андрей Павлович и улыбнулся.

Он выглядел совсем не как ученый, которых Ромка привык видеть, когда профессора всех мастей собирались у них дома. Он был похож на простого парня, ничем не примечательного, и одевался неброско, но имел, судя по всему, свое мнение обо всем, как и положено ученому.

– Приехали, команда! – сказал дядя Саша. – Вот и наш лагерь.

Машина остановилась возле туристических палаток, где на протянутых между деревьями веревках сушились чьи-то вещи. Ромка вышел из машины и оглянулся. Он никогда не видел экспедиционного лагеря, а увидев, даже несколько разочаровался. Место было похоже на то, которое оборудуют туристы в походах – тут тебе и палатки, и котелки над костром, и даже футбольный мяч, брошенный в траве. Единственное, что отличало экспедиционный лагерь от туристического – огороженный проволокой берег с табличками «ведутся раскопки», где уже вовсю трудились студенты Евгения Борисовича под руководством старшего группы – Максима Павловича Шевцова, который и был тем самым старшим братом Андрея Павловича.

Когда взрослые встретились и пожали друг другу руки, пошла беседа, в которой Ромка ровным счетом ничего не понял. Максим Павлович потрепал затылки мальчишек и предложил им взять кирзовые сапоги на выдаче и принять участие в раскопках. Этот Максим Павлович был вдвое старше брата Андрея и, скорее всего, занимал какую-нибудь руководящую должность, потому что Ромке показалось, будто вид он имеет серьезный и основательный, а по словам отца – тот, кто имел серьезный и основательный вид, скорее всего, находился на высокой и ответственной должности.

– Ну что, малыцы? Давайте-ка в наши ряды, в Москве-то, небось, такого не увидите. Ну-ка, идите-ка вон к дядьке Васе, пусть выдаст вам кирзачи, лопатки, совочки там и перчаточки, чтобы ручки на замарать, не поцарапать. А ну – бегом!

Ромка взглянул на отца, редко кто распорядился им самим так дерзко, но Евгений Борисович, ухмыльнувшись, повторил жест их большого начальника.

– Давайте, зато потом всем в школе будете рассказывать, как в экспедиции нашли сокровища.

При слове «сокровища» глаза обоих мальчишек вспыхнули, и они наперегонки, под весёлый хохот взрослых, побежали за своей первой экипировкой, представляя, что это могли быть пиратские сапоги и перчатки. Когда мальчишки получили все, что положено, у невысокого уже пожилого, но задорного завхоза музея дяди Васи, они бодро спросили:

– Дядь Вась, а где копать можно?

– А где хошь, – так же бойко ответил завхоз и хмыкнул в ус. – Вона озеро же круглое, если отсюда глядеть. Да хоть откуда гляди, все одно – круглое. Ребятки тот берег заняли, а вы подальше отойдите и копайте себе до обеда, можь че и выкопаете.

Ромка кивнул

– Я туда пойду – налево, – сказал он, – а ты направо давай.

Тошка угукнул, и мальчишки разошлись в разные стороны. Ромке показалось, что вдалеке он увидел дерево и решительно пошел к нему, он всегда любил что-то искать под деревьями и, кстати, чаще всего там что-нибудь да и находил. Прошлым летом нашел старые часы на даче под ивой, а ещё раньше – чью-то заколку с цветочком и брошку. Те вещи явно принадлежали соседской девчонке-растеряше, поэтому Ромка оставил их на ее крыльце, предварительно написав записку владелице: «Мы нашли. Пожалуйста, не теряй нас больше». Ромке казалось, что так он отучит девочку терять вещи. Хотя часы, которые он нашёл раньше, были неизвестно чьи, и, прежде чем прикарманить их себе, Ромка предусмотрительно ходил от дома к дому, осторожно расспрашивая соседей – не терял ли кто из них наручные часы с кожаным коричневым ремешком. Но поскольку владельцев не нашлось, Ромка решил владеть часами сам и пристроил их в коробку с другими найденными вещами, поскольку часы были мужские и ему не в пору.



Итак, Ромка решил искать сокровища под деревом. Но от озёра поднялся густой туман, такой, что ни дерева, ни Тошку, ни лагерь Ромка разглядеть больше не смог.

– Ты чего тут бродишь, – услышал он мальчишеский голос.

– Ты кто? Покажись, – с опаской откликнулся Ромка.

В тумане проступил приближающийся силуэт. Ромка сел на траву от страха и впился руками в землю.

– Не бойсь, – сказал мальчишка, – то же мне, богатырь.

Это был мальчик, такой же как Ромка, может, чуть постарше – лет 11-12, скорее всего из местных, потому что манера говорить у него была почти такая же, как у Максима Павловича и немного как у завхоза дядя Васи.

– Ты кто? – спросил Ромка, – И откуда?

– Много будешь знать... – грубо ответил мальчишка, но не продолжил. – Ты что – с этими? – парень кивнул в сторону лагеря.

– Да, – ответил Ромка, – я сын руководителя экспедиции профессора Святозарова, – гордо заявил он.

– Видали мы профессоров, – ухмыльнулся дерзкий мальчишка, – все лето тут кочуют. Что только ищут – непонятно.

– Ну как же непонятно, – возразил Ромка, – сокровища ищут, тут же Китеж-град затонул.

– Тут, да не тут, – загадочно сказал мальчишка.

– Ну как же? А что ты знаешь? – спросил Ромка.

– Знаю я поболее вашего, – вдруг ответил мальчишка.

– Погоди, погоди, я сейчас приведу папу с дядей Сашей, ты им всё и расскажешь. Только стой здесь, у дерева этого, – сказал Ромка.

– Где ты дерево видишь? – спокойно спросил парень.

– Как же, вон же оно, за твоей спиной, ствол...

– Ну-ка, ну-ка, – снова удивился парень и скрылся в тумане.

– Эй! – позвал Ромка, но никто не откликнулся. «Странный парень», – подумал Ромка и пошёл в сторону дерева.

Тут туман стал рассеиваться, и Ромка увидел необычайной красоты дуб, с глянцевым листьями, омытыми утренней озерной росой. «Папа вроде говорил, что дубы не растут у озера», – подумал Ромка и обошел дуб кругом.

– Какие растут, а какие нет, – вдруг снова услышал голос того мальчишки.

Ромка удивился. О том, что дуб здесь не может расти, он вроде бы только подумал, а не произнёс вслух... или произнес... Парень сидел на толстом суку дуба, и теперь, когда туман рассеялся, Ромка мог его разглядеть. Ему показалось, что в этом мальчишке было что-то необычное, хотя выглядел он как самый обыкновенный школьник, вот только несколько старомодный в своей рубашке навыпуск и без ботинок. А еще у парня были какие-то необыкновенные глаза, будто бы без зрачков и сапфирового цвета (Ромка видел однажды передачу по телевизору, в которой диктор рассказывал о драгоценных и полудрагоценных камнях – среди них были и сапфиры). Между прочим, глаза парня светились как те самые камни – холодным магическим светом. Хотя, возможно, это был оптический обман – из-за тумана. Ромке все же стало не по себе.

– Ты кто? – спросил он уже со страхом.

– Да так, просто прохожий, – ответил парень с дерева, мотая босой, грязной ногой. – Так ты действительно видишь этот дуб? – вдруг спросил он Ромку.

– Ну да – вижу, – удивился тот. – А что тут такого-то – дуб как дуб...

– Дуб как дуб, – повторил мальчишка с ухмылкой. – Так-то оно так, да не все его видят, – ответил парень, спрыгнул с дерева на траву и превратился... в огромную птицу, похожую на сову, но с человеческим лицом – один в один лицо того мальчишки и действительно с холодными сапфировыми глазами.

От неожиданности Ромка упал на траву и стал оглядываться. Ему хотелось понять, не видит ли это ещё кто-то. Но лагерь был далеко, а Тошка ушел на другую сторону и его тоже не было отсюда видно. Ромка ужасно пожалел, что такие чудеса сейчас видит только он, а ему очень хотелось поделиться и с папой, и с дядей Сашей, и с Тошкой, и даже с Максимом Павловичем. – Но, к сожалению, никого не было рядом.

– Вы... кто? – снова спросил Ромка и в ответ услышал:

– Я Сирин. Птица Нави и Яви – помощник богов, я проведу тебя в Явь.

Ромка потерял дар речи. «Вот они, приключения». У него впервые захватило дух, как это случается с теми, кто верит в чудеса. Ромка стал щипать себя за руку, чтобы убедиться, что не спит и это не галлюцинации. Однако он не спал...



Из мира настоящего – в мир Явный

Но несмотря на это Ромка все же спросил:

– Я что? Сплю?

Птица Сирин поскребла землю массивными когтями, которые были почти как у самого большого в мире орла, встряхнула могучими крыльями с черными перьями, словно обсыпанными серебром, и ответила:

– Вообще, нет, но, ежели хочешь так думать...

– Нет, это что, на самом деле? – не унимался Ромка. – Я это вижу на самом, самом деле?..

– Что видишь? – спросила птица.

– Ну, как ты превратился и все такое.

– А, это! Ну да, на самом деле.

– Это твой обычный облик? – снова спросил Ромка. – То есть ты в какое-то время мальчик, а в какое-то... вот такое существо.

Сирин встряхнул крыльями.

– Не какое-то, а из мира Яви.

– А что это за мир такой и где он?

– Ежели пойдешь со мной, – сказал Сирин, – то всё увидишь.

– А это далеко? – спросил Ромка.

– Нет, только перейдём край – и все, мы на месте.

– Ты... Вы... сказали край... А где этот край? – спросил Ромка.

– Да вона, поднял голову Сирин, в кроне дерева. Два взмаха и мы на месте. Ну что? Полетели?

- Но я же не умею... – вздохнул Ромка.
- Не беда, забирайся на меня – вмиг домчу.
- Хорошо, – сказал Ромка и забрался на Сирина.

Он очень сомневался, соглашаться ему лететь на странной птице в крону дерева в какой-то «явный» мир или нет, но жажда приключений настойчиво звала его вперед. Сирин взмахнул мощными крыльями и взлетел вверх прямо в крону раскидистого дуба. От испуга Ромка закрыл глаза, а когда открыл... его испуганному взору явилась небывалая, невиданная красота. Высоченные раскидистые деревья, немного похожие на дубы, с золотистой корой, уходящие широкими зелено-глянцевыми кронами ввысь, скрывали в своих ветвях таких же, как Сирин, человекоподобных птиц. Яркие-зеленые холмы, будто покрытые плотным изумрудным полотном, под которым протекали сверкающие белые ручьи. А ещё воздух там был такой густой и тягучий, как желе, которое, казалось, можно было разрезать ножом и проглатывать маленькими кусочками. Ромка вдохнул эту тягучесть полной грудью, голова мгновенно закружилась, и он почувствовал, как начинает падать, поэтому крепче вцепился в жесткие перья Сирина.

Сирин опустил на упругую на вид траву, расступившуюся под ним будто живая, и Ромка увидел, что она действительно живая, особенно цветы, которые радостно и удивленно смотрели на него. У цветов тоже были человеческие лица.

– Ой, здравствуйте, – сказал Ромка и неожиданно поклонился цветам. Цветы тоже склонили перед ним свои лазоревые головки и закивали.

– Явь приветствует тебя, – сказал Сирин.

Ромка увидел, как трава протянула к нему свои длинные стебли, переплетаясь между собой и образуя словно бы гамак. Ромка лег в гамак, который трава сама начала раскачивать, а цветы принялись напевать мелодичную песенку, взглянул на небо и увидел, как по нему, разгоняя пористые будто молочные облака, ходят огненные жеребцы. Ромка заворожённо смотрел вверх на этих коней, мирно пасущихся на молочно-белом пастбище. Поначалу кому-то снова могло показаться, что это оптический обман или иллюзия, ведь, если не отрываясь смотреть на облака, бог знает, что иногда почудится. Но здесь всё это было реальностью. И Ромке ничего не казалось.

Вдруг облака вдалеке расступились и сквозь них прошла чья-то большая рука (Ромка даже смог разглядеть пальцы), она свесила вниз что-то такое на веревке. Ромка присмотрелся получше, это оказалось нечто вроде ведра, которое коснулось молочной реки, опустилось в нее, и рука снова затянула его вверх.

– Что это? – спросил Ромка. – Что это было, там вдалеке? Я видел чью-то руку, она возникла прямо из облаков. Так странно.

– Что же странного? – ответил Сирин. – Просто Хорс поит своих коней.

– Хорс?..

– Ну да, видишь огненных жеребцов? Это его – Хорса.

Ромка молчаливо кивнул, сделав вид, что понял. Тут Сирин сел на край травяного гамака. «Вот странное дело, таинственное существо не отбрасывает тени», – подумал Ромка. Да вообще всё здесь не имело собственной тени, видимо потому что здесь совсем не было солнца, его заменяли эти огненные жеребцы. Почему-то Ромку это не удивило: он уже точно знал, что мир, в который он попал, по-настоящему сказочный.

– Да, здесь не так всё устроено, как у вас у людей, – Сирин, должно быть, прочитал его мысли.

Теперь Ромка мог рассмотреть Сирина лучше и даже в деталях.

Его необыкновенные перья, цвета червлёного серебра, со стальными прожилками, очень напоминали рыцарские доспехи или даже богатырские латы, которые Ромка видел на картинах. Массивную голову защищала густая кроваво-красная шёрстка, обрамлявшая красивый лоб и доходившая до изогнутых ивовых иссиня-черных бровей, которые делали лицо Сирина

поросто прекрасным. При других обстоятельствах любому захотелось бы иметь такого домашнего питомца, но это исключительно при других обстоятельствах, а сейчас мощные когтистые лапы, которые могли раздавить взрослого медведя, превращали Сирина в страшного крылатого монстра с человеческим лицом.

Ромке вдруг стало не по себе, и он отвернулся. Однако Сирин, казалось, этого не заметил. Мирно качаясь на траве, он чистил перья мощными когтями и продолжал говорить.

– Тебе выпала неслыханная удача, мальчик, которая выпадает не каждому – ты попал в Ирий – обитель богов. Вообще, их у нас две. Первая – та, где мы сейчас находимся, зовется Беловодье, другая называется Ясунью. Первой владеет Сварог – царь Яви, Ясунь же токмо пастбище, там пасутся табуны жеребцов Хорса и лебеди Дажьбога.

Сирин махнул крылом.

– Вон, глянь, жеребцы по небу ходят, лебедей ты потом увидишь, в своё время. Ежели приходит время лебедей, наступает темень – по-людски «ночь», ежели вступит время огненных жеребцов – ясень – «день» по-людски, опять же...

– Но почему я? – неосторожно перебил птицу Ромка.

– Понимаешь, – ответил Сирин, – не каждому дано увидеть дерево Рода в мире людей.

– Какое дерево? – удивленно переспросил Ромка.

– Дерево Рода, то самое, где мы с тобой встретились, – спокойно и невозмутимо повторил Сирин. – Род – старший бог Яви, он прародитель всего в нашем мире, и его древо, через которые мы сегодня прошли, чтобы попасть сюда, является чем-то вроде врат или двери из мира людей в наш мир – Явный.

– Но почему я его увидел? – снова спросил Ромка.

– Видно, так хотела Макошь... – немного подумав, ответил Сирин.

– Бр-р-р, – замотал головой Ромка, – из того, что ты сказал, я понял только про эту – про Макошь. Это же богиня, – вспомнил Ромка, – славянская... дядя Саша говорил...

– Да, богиня, – подтвердил Сирин, – и сестра Рода, она-то и отмеряет жизнь и плетёт нити судьбы. Твою нить она уже сплела, и мы скоро отправимся за ней.

– Зачем? – переспросил с тревогой Ромка.

– Затем, что нам надобно знать, кто ты есть.

– Кому нам надобно?

– Нам это – всем сущим в Яви и Нави, – всё так же невозмутимо отвечал ему Сирин. – Понимаешь, близится... – начал было, но потом сказал: – Нет. Не могу сейчас рассказать тебе всего. Одно скажу. За все время, которое я охраняю дерево Рода, ты первый его увидел. Значит, предание сбылось.

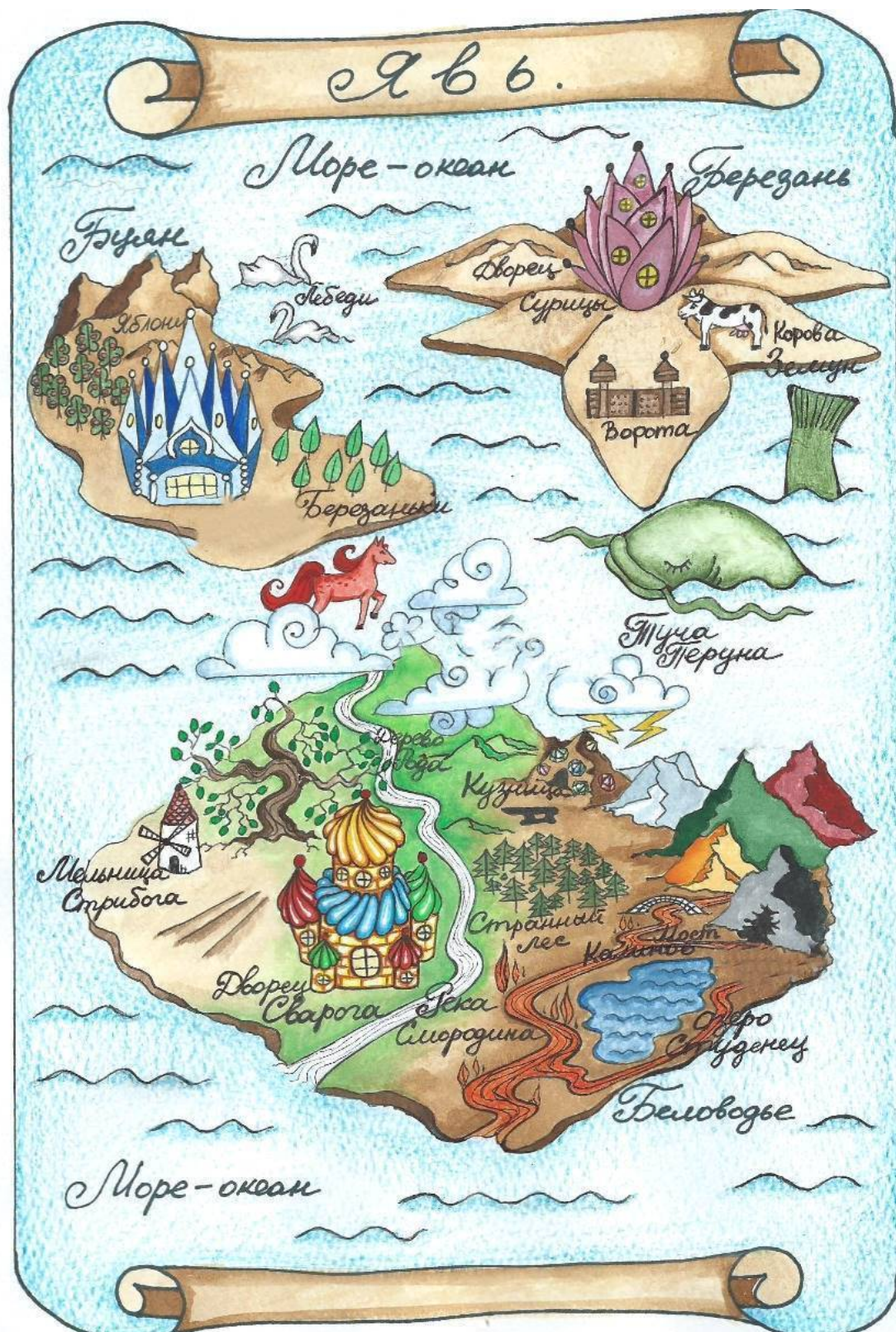
– Какое предание? – спросил Ромка.

– Предание о богатыре Яви, о том, что придет богатырь из мира людей и спасет Явь от Навян.

– А что – эти навяне угрожают вам? – Ромкино любопытство разгоралось с каждым словом.

– Не просто угрожают, они собираются идти на нас войной. И все бы ничего, Сварог со своим войском одержал бы победу над навянами, как и в прошлый раз, вот только в предании Рода сказано, что только человек сможет восстановить мир. И я уже столько ясеней торчу в вашем мире, по воле Макоши, дожидаясь, что кто-то увидит это дерево, а увидел его ты. Сейчас я отведу тебя в Ирий – показать богам, а дальше поглядим.

Ромка радостно кивнул. Его сердце бешено и сладко билось, в предвкушении невероятных приключений, о которых он потом захлеб будет рассказывать папе, маме и всем в школе. И они отправились в путь.



Оказывается, есть силы, которые почему-то иногда решают за тебя

Сколько они шли, Ромка не помнил. По дороге он старался замечать каждую мелочь. Этот сказочный мир сильно взволновал мальчишескую душу, раньше он читал сказки или ему их читали, когда он был ещё совсем мал и не знал ни одной буквы, а теперь вот сам оказался в сказке. Всё здесь было просто гигантским – как в любимых Ромкиных фильмах про динозав-

ров, когда искатели приключений попадают в прореху времени и оказываются в кайнозойской или мезозойской эре. Первые минуты Ромка был уверен, что сейчас он столкнётся с кем-то из представителей той древнейшей и опасной фауны – диплодоком или стегозавром, а потом, как по сценарию, появятся ужасные плотоядные хищники – могучий аллозавр или тиранозавр Рекс.

Но кроме огненных коней, бродящих по молочным облакам, других животных здесь пока не было видно. Сирин летел впереди, поджимая сильные лапы, чтобы не коснуться стеблей травы, которая грелась под жаром, источаемым огненными жеребцами. Ромка бежал за ним, ощущая себя абсолютно счастливым.

Вдруг перед Ромкой как из-под земли выросло существо, густо обросшее шерстью, с человеческим лицом, как Сирин, и блестящими маленькими и юркими глазками, невероятно подвижное и словно бы гуттаперчевое. Существо мельком взглянуло на мальчишку, подпрыгнуло и, переворачиваясь в воздухе, стало перепрыгивать с травинки на травинку, с цветка на цветок, едва касаясь их. Цветы, правда, немного возмущались, но, позвонив, быстро смолкали. Существо снова вернулось к путникам и запрыгало вокруг них, задорно размахивая длинными руками. Ромка заворуженно смотрел на это чудо.

– Давай наперегонки, – вдруг услышал он писклявый голосок. И существо, не дожидаясь ответа, попрыгало вперед, обгоняя Сирина. Ромка пытался догнать прыгуна, но увидел только мелькающую вдалеке фигуру.

– Даже не пытайся тягаться, – остановил его Сирин. – Святибора никто не может обогнать.

– Его зовут Святибор? – спросил Ромка.

– Да, он божок леса, юркий, никто с ним не может справиться, ибо догнать его просто невозможно. И ты не тягайся с ним, – сказал Сирин и махнул крылом. – Вон он уже где, – показал он вдаль. – Уже у дворца – видишь яркие башенки? И в три прыжка он может вернуться обратно.

Ромка пытался разглядеть дворцовые башни, но из-за скопившихся на небе молочных облаков, смог увидеть только размытые пятна. Тут над ними пролетел, могучий, но тёплый ветер и чуть не сбил Ромку с ног, а потом полетел дальше, подминая, будто причёсывая, деревья и траву.

– Это Стрибог полетел во дворец, – пояснил Сирин, – торопится, даже не заметил. А нет, не во дворец, на пашню залетел, – добавил Сирин, когда увидел, что Стрибог свернул в другую сторону.

– А давай посмотрим, что он там на пашне делает, – сказал Ромка.

– Да знамо что, за пшеницей и посевными следит, чтобы вовремя убрать. Потом Сварог пашню вспашет, и Стрибог её снова засеет, а собранное зерно в мельнице у себя перемелет на муку, из которой богини выпекут хлеб.

– Интересно, кто такой Сварог, – про себя подумал Ромка, – и вдруг почувствовал, что мысли в его голове скачут, обгоняя друг друга. Вопросов было так много и все они толпились и роились в его голове, мешая думать, поэтому Ромка решил задавать их поочередно и в слух произнёс только –

– Надо же, я думал, у вас тут все волшебное и вы вообще ничего не делаете и ничего не едите.

– Ну как же, едим иногда. Раньше без этого обходились, а теперь силы иссякают. Сами печём и в поле работаем. Да ты потом всё увидишь, – ответил Сирин.

Через некоторое время башни дворца стали различимы. А скоро показался и он сам во всём своем великолепии.

Вблизи дворец был весь как будто слеплен наполовину из янтаря, а наполовину из золота и сверкал словно солнце. Его пузатые башенки с вытянутыми вверх кончиками, как маленькие

зефиринки в кондитерском магазине, казалось, были отлиты из другого материала. Алые, золотистые, синеватые и зелёные, они также напоминали разноцветные восковые свечи на большом золотистом торте. Когда путники прошли сквозь дворцовые ворота, Ромку в один миг ослепил яркий свет. Он сильно зажмурил глаза, но это не помогло – из глаз фонтаном брызнули слезы. Ромка даже испугался, что ослепнет.

Постепенно глаза привыкли, и когда мальчик наконец-то осмелился их приоткрыть, то увидел, что этот яркий болезненный свет излучали деревья, которые были похожи на дубы из его мира, с одной только разницей – их кроны пылали невообразимым ярким огнем, а стволы были белыми, будто раскалёнными.

Ромка хотел прикоснуться к гладкому стволу, но решил не делать этого из боязни обжечься.

– Не бойся, – сказал Сирин. – Это огнедубы – деревья с острова Березань, собственноручно посаженные Сварогом. Они не жгутся, хотя и пылают костром, сам проверь.

Ромка пересилил страх и погладил белую кору огнедуба.

– Действительно, совершенно не чувствую жара, – убедился он.

– Я же тебе говорил. Ну да ладно, пойдем уже, нас ждут, – поторопил Сирин, и они подошли к большим янтарным дверям, с вкраплёнными зелёными и красными камушками. Они были почти такими же, как и дворцовые башни, только во много раз меньше. «Это, наверное, рубины и изумруды, – подумал Ромка, когда они проходили через двери, – надо же, какие огромные, прямо куски».

Во дворцовых палатах из Ромкиных глаз снова брызнули слёзы, поэтому осмотреть дворец ему сперва никак не удавалось. Опять вернулось ощущение, будто он оказался слишком близко к солнцу, и Ромка посмотрел вниз – по дворцовому полу, словно молоко, разливалось жидкое золото или даже медовая патока, будто лившаяся на пол с крыльев диковинных птиц с оранжево-красным оперением. Они важно бродили по полу, что-то отыскивая в этой медовой пыли. Мальчик узнал их, эти птицы были точно такими же, как на цветной иллюстрации к сказке про «Конька-Горбунка», те самые жар-птицы, о которых он фантазировал в гостинице. Во всяком случае, именно такими он их себе и представлял. Птицы удивленно разглядывали гостей (все они были, конечно же, человекоподобными, как Сирин). В этот момент мальчик почувствовал над собой прохладный ветерок. Это Сирин летел прямо над ним, прикрывая его крыльями. Через несколько минут глаза перестали болеть, Ромка огляделся и едва не обмер – за огромным и абсолютно круглым янтарным столом, ножки которого утонули в жидком золоте, сидели великаны.

Своей мощью они походили на древних атлантов, обликом – на святых с древнерусских икон. У самого главного из них и самого величественного были золотые кудри и такая же борода. Кудри сияли невообразимо. Его лицо, белое, овальное, с прямым будто ювелирно выточенным аккуратным носом, сразу привлекало внимание и врезалось в память. Бог был строг, и строгости ему придавали ровные, длинные брови, находящиеся подо лбом так низко, что казалось, будто он чем-то недоволен и гневается. Он был одет в рубаху с расписным воротником и широкие штаны, ноги бога были обуты в мягкие сапоги, сделанные из какого-то добротного пуха. Узоры на рубахе были живыми, и когда бог двигался, узоры двигались вместе с ним. По ткани невообразимой рубахи плавали лебеди, гуси паслись на лугах, журавли взлетали к самому вороту, реки разливались, затекая под широкий блестящий кушак. Глаза бога лучились теплым приятным светом.

Ромка заметил, что глаза у всех обитателей Яви, как и у Сирина, оказались без зрачков, отчего они казались еще более огромными и совершенно бездонными. И чудилось, что эти живые синие, жёлтые и зелёные озера вот-вот выплеснутся через края век и растекутся по золотому полу и изумрудным долинам. Но, когда настроение божества менялось, глаза становились холодными, и лицо его делалось каменным, как у статуи. Сам бог был неразговорчив, но гро-

могласен – когда он начинал говорить, остальные смолкали. На плече бога сидела горделивая человекоподобная птица, очень похожая на Сирина, но в несколько раз красивее его. Птицу беспокоил спор богов, она то и дело косилась в их сторону, хмуря ивовые иссиня-черные брови, красиво оттенявшие её темные глаза и белоснежную кожу на лице. Перья у птицы, в отличие от Сирина, имели оранжево-красный оттенок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.